

такого рода страшна. В заглавии сцены подчеркивается центральная роль Свины, все посвящено именно Свины, Правда отеснена назад. Место действия — хлев, с навозом в качестве необходимого дополнения — опять-таки, стихия Свины. Характеристики, которые даются Свины и Правде, как бы отмечают их общественную принадлежность, положение. Свины — «развешенное животное», Правда «прикрыта, по распоряжению начальства, лохмотьями», сквозь которые просвечивает нагота.

Все действие сводится к выкобениванию Свины и надругательству над Правдой к вящему удовольствию публики. Ведя свой провокационно-издательский разговор с Правдой, Свины спрашивает: «Правда ли, сказывала ты: общечеловеческая-де правда против околоточно-участковой — например превосходнее?» (14, 201). Противником Правды общечеловеческой может стать неправда низко-социальная, околоточно-участковая, и Правда лишь отваживается назвать, где корень зла: «В тебе, свины!», — и тут же отступает перед ней смиренно и жалко. Сцена заключается апофеозом свиинства — Свины жрет Правду.

«Свины. Нечего мне „свиной-то“ в рыло тыкать. Знаю я и сама, что свины. Я — Свины, а ты — Правда... (Хрюканье свины звучит иронией.) А ну-тко, Свины, погложи-ка Правду! (начинает чавкать. К публике.) Любо, что ли, молодцы?» (14, 201).

Ужас происходящего усугубляется тем, что наблюдающая толпа неистово требует: «давай, братцы, ее своим судом судить... народным!!» (14, 202). Бывают в истории периоды, когда стихийно неправое и свиное торжествует повсюду, поражает все. В требовании беснующейся толпы народного суда для Правды проглядывает глуповское, в котором можно найти и стадное разнузданное самодовольство и стадные инстинкты, которые можно инспирировать в любом направлении.

Как же взаимоотносятся идеал сатирика и постановка проблемы нравственного идеала? Движение к нравственному идеалу у Щедрина, попытки изображения его — это путь к возможности осуществления одной из сторон его идеала. Нравственно-идеальное, включенное в высшую положительную позицию сатирического анализа действительности сатирика, постепенно получает развитие, выделяется в особую проблему, которая особенно занимает Щедрина с середины 70-х годов.

Устремленность к нравственному идеалу претерпевает эволюцию в творчестве писателя. Намечая вначале способность самой зачерствелой души к осознанию своей низости и к внутреннему перелому; Щедрин постепенно переходит к показу осуществления нравственного идеала, приобщения к нему и, таким образом, в своих поздних сказках утверждает позиции проповедуемого им нравственного идеала.

Нравственный идеал, наполненность которого находится в зависимости от идеала сатирика, становится на определенном этапе его творчества не только возможностью осуществления какой-то стороны идеала, но и решающим фактором для осуществления идеала в целом. В то же время понятие Правда, связанное не только с нравственно-идеальной сферой, но в большей степени воспринимаемое как принадлежность идеала Щедрина в целом, позволяет говорить о том, что Щедрин не абсолютизировал идею нравственного идеала, а считал, что в самом объективном развитии истории, жизни присутствует идея Правды, справедливости, которой суждено восторжествовать в мире.

В романе «Господа Головлевы» сильна тенденция к нравственно-идеальному. Оно родится из многих ситуаций, в его создании принимают участие разные герои, но разрешается стремление к нравственному идеалу через образ Порфирия, потому что именно на Порфирия направлен пафос сатирического обличения и через полное отрицание легче перейти к утверждению. Роман «Господа Головлевы» оканчивается изображением переворота в душе Порфирия, пробуждением совести, терзающей его. Это не означает, что другие герои, ситуации, не связанные с Порфирием не-